
ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

Выпуск 1 (70). 2021. Том 11

Журнал «Вопросы национальных и федеративных отношений»
включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по политическим и историческим наукам

МОСКВА, 2021

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

Вячеслав Александрович
МИХАЙЛОВ

Председатель Совета, д.и.н., профессор,
зав. кафедрой национальных и федеративных
отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ

Редакционный Совет

Рамазан Гаджимурадович
АБДУЛАТИПОВ

д.ф.н., постоянный представитель Российской Федерации
при Организации Исламского сотрудничества

Любовь Федоровна
БОЛТЕНКОВА

д.ю.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ

Владимир Иванович
ВАСИЛЕНКО

д.п.н., профессор Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Вадим Витальевич
ГАЙДУК

д.п.н., профессор Башкирского государственного
университета

Леокadia Михайловна
ДРОБИЖЕВА

д.и.н., руководитель Центра исследования
межнациональных отношений Института Социологии
ФНИСЦ РАН

Владимир Юрьевич
ЗОРИН

д.п.н., руководитель Центра по научному взаимодействию
с общественными организациями, СМИ и органами
государственной власти ИЭА РАН

Раушан Мухахановна
КАНАПЬЯНОВА

д.п.н., профессор кафедры международного
культурного сотрудничества МГИК

В. Микаэль
КАССАЕ НЫГУСИЕ

д.и.н., профессор кафедры теории и истории
международных отношений Российского
университета дружбы народов

Геннадий Яковлевич
КОЗЛОВ

д.и.н., профессор Рязанского государственного
университета им. С.А. Есенина

Игорь Георгиевич
КОСИКОВ

д.и.н., главный научный сотрудник Института
этнологии и антропологии РАН

Николай Павлович
МЕДВЕДЕВ

д.п.н., профессор Российского университета
дружбы народов

Марина Николаевна
МОСЕЙКИНА

д.и.н. профессор, заведующая кафедрой истории России
Российского университета дружбы народов

Дарья Вячеславовна
ПЕРКОВА

к.п.н., ответственный редактор

Александр Васильевич
ПОНЕДЕЛКОВ

д.п.н., профессор, заведующий кафедрой политологии
и этнополитики Южно-Российского института
управления – филиал РАНХ и ГС при Президенте РФ

Дмитрий Егорович
СЛИЗОВСКИЙ

д.и.н., профессор кафедры истории России Российского
университета дружбы народов

Шукран Саидовна
СУЛЕЙМАНОВА

д.п.н., профессор Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Жибек Сапарбековна
СЫЗДЫКОВА

д.и.н., профессор, заведующая кафедрой стран
Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии
и Африки Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова, заместитель главного редактора журнала

Вильям Владимирович
ШМИДТ

д.ф.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ

Редакционная коллегия

Главный редактор – СУЛЕЙМАНОВА Ш.С.,
д.п.н., профессор РАНХиГС

Члены ред. коллегии:

Медведев Н.П. (зам. главного редактора),
Сыздыкова Ж.С. (зам. главного редактора),
Перкова Д.В. (ответственный редактор),
Болтенкова Л.Ф., Дробичева Л.А.,
Слизовский Д.Е.

УЧРЕЖДЕН

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН

В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного
наследия

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-47487
от 25 ноября 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс научного
цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор
журнала: 1,006

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение I, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

www.etnopolitolog.ru

E-mail: etnopolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Перкова Д.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 25.01.2021.

Формат 60×84/8. Объем 24,3.

Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 0000.

Отпечатано
в типографии PrintUP

117105, г. Москва,
Нагорный проезд, 12, корп. 1
Тел.: +7 (495) 925-00-06

ISSN 2226-8596 (print)

12 выпусков в год и

2 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://etnopolitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals

Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70114

Цели и тематика

Журнал *ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ* – периодическое международное рецензируемое на-учное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2018 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Отечественная история, этнология и этнография», «История международных отношений и мировой политики», «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая культура, этнополитика и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://etnopolitolog.ru>

Электронный адрес: etnopolitolog@yandex.ru

ISSN 2226-8596 (print)

12 issues a year plus

2 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://etnopolitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific

electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rosspchat Agency catalogue is: 70114

Objectives and themes

Academic journal “*Issues of National and Federative Relations*” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2018. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “Domestic history, ethnology and ethnography”, “History of international relations and world politics”, “History and philosophy of politics”, “Political institutions, processes and technologies”, “Political culture, ethnopoltics and ideologies”, “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://etnopolitolog.ru>

E-mail address: etnopolitolog@yandex.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Сыздыкова Ж.С. К вопросу о трансформации адыгского общества	10
Темчук Е.И., Степанов А.С. Кампания 1917 года – несостоявшийся триумф русского оружия	16
Семенов А.А. Формирование Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее чрезвычайных органов в Среднем Поволжье в 1917-1919 гг.	28
Волков А.П., Волков А.А. Военно-юридическая академия РККА в годы Великой Отечественной войны: некоторые аспекты истории	37
Булатов И.А., Быстрова Ю.М. Несколько слов о дате возникновения Национальной организации русских разведчиков	46
Ушмаева К.А., Гончаров А.С. Социальные стереотипы о казачестве в советских фильмах «Над Кубанью», «Даурия» и «Отчий дом»	56
Никитин А.А. Динамика уровня преступности в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX века	64
Темерев Д.В. Путь к созданию системы коллективной безопасности в Европе	72
Боброва В.В. Транспортная ситуация и снабжение населения Арктической зоны на примере Анабарского района Республики Саха (Якутия)	77

ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

Болтенкова Л.Ф. Библия как источник права (часть четвертая)	88
Кудашев Р.Ш. Подходы к интерпретации понятия «наднациональность»	102
Федорищев К.М. Идеи университета: истоки концепции либерального образования Майкла Оукшотта	108

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА

Карсанова Е.С., Знаменский Д.Ю. Идентичность в национальном и региональном измерении	114
--	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Курас К.Ю. Влияние имиджа исполнительной власти на социально-политическую ситуацию в регионе (на примере Калининградской области)	128
Червяков Н.В. Технологии выборов будущего	134
Ефремов Д.И. Проблемы и перспективы российско-украинских межэлитарных контактов: 1991-2014	139

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

<i>Михайлова О.Н., Толок Е.С.</i> Гуманитарно-образовательные основания формирования политико-правовой активности и совершенствования электорального поведения современной вузовской молодежи.....	148
--	-----

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

<i>Залысин И.Ю.</i> Противодействие терроризму: цели, субъекты, модели	158
<i>Чаевич А.В.</i> Миротворческая деятельность России в урегулировании региональных конфликтов на постсоветском пространстве.....	165
<i>Каратуева Е.Н.</i> Технологический терроризм: новые угрозы.....	174

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

<i>Гулиева Н.О.</i> Отношения Турция – Евросоюз (1992-2013): проблемы и перспективы	181
<i>Умеров Д.А.</i> Методические аспекты исследования двусторонних международных отношений	193
<i>Лян Цзячу.</i> Космическая дипломатия КНР: некоторые проблемы (с развивающимися странами).....	203
<i>Самусева О.А.</i> Инновации в политике КНР XXI в.	209
<i>Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А., Нечай Е.Е.</i> Динамика международных политических процессов в контексте пандемии COVID-19	215
<i>Чэнь Ханьчжи.</i> Проблемы профессиональных компетенций политических элит в Китае	223
<i>Будник А.И., Григорьева Т.В., Кан А.А.</i> Продолжает ли современная цивилизация оставаться «цивилизацией войны»? Предупреждения и «новое мышление» Римского клуба «Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet».....	229

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

<i>Степанов А.С., Ченцов А.С.</i> Некоторые аспекты освободительной миссии Красной армии в Австрии	235
<i>Сыздыкова Ж.С., Фатеев А.В.</i> Особенности взаимодействия Казахского ханства и Ногайской Орды XV-XVI вв.	244
<i>Макаров Е.П., Макарова Т.Е.</i> Образовательная политика и формирование социально-нравственных представлений у старших дошкольников в детских садах Великобритании	251

Франческо Рубини. Историография о маршале Л.Н. Даву в бою под Салтановкой 1812 г.....	261
Ахмад Моса Зиауддин, Абдул Кахер Абдул Кадер, Ишакзаи Ахмад Джавед. Афганистан и его столетняя внешняя политика	272
НАШИ АВТОРЫ	282
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	289

DOI 10.35775/PSI.2021.70.1.013

УДК 32.323

Е.С. КАРСАНОВА

*доктор политических наук,
профессор кафедры государственного управления и
политических технологий Государственного университета
управления; профессор Департамента политологии
Финансового университета при Правительстве РФ,
Россия, г. Москва*

Д.Ю. ЗНАМЕНСКИЙ

*кандидат политических наук,
кафедра государственного управления и политических
технологий Государственного университета управления,
Россия, г. Москва*

ИДЕНТИЧНОСТЬ В НАЦИОНАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ¹

Опираясь на критический анализ дискурса, статья исследует, как понятия национальной/коллективной идентичности дискурсивно встроены в вопрос формирования общенациональной гражданской нации. Национальная идентичность, коллективная идентичность, политизированная коллективная идентичность и множественная идентичность – это концепции, которые помогают понять и описать примат региональной идентичности как важнейшего конкурирующего явления и одновременно политико-идеологического ресурса, определяющего успешность стратегии формирования общероссийской гражданской нации.

В заключении, подчеркивается возможность «взаимопроницаемости» интересов национальной/региональной идентичностей, укрепления основ национального государства и общероссийского гражданского единства. Авторы поддерживают идею о том, что несмотря на противоречия, связанные с дисфункциональными свойствами фрагментированных идентификаций и противопоставлениями, региональная идентичность представляет собой динамичный процесс, который инклюзивно развиваясь в институционально встроенных схемах восприятия, представляет собой жизнеобеспечивающий ресурс для демократически ориентированного полиэтнического государства.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31303.

Ключевые слова: национальная идентичность, коллективная идентичность, региональная идентичность, национальная политика, нация, этничность.

E.S. KARSANOVA

*Doctor of Science (Political Science),
Institute of Public Administration and Law, of the State
University of Management, Department of Public
Administration and Political Technologies,
Department of the Financial University of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

D.Y. ZNAMENSKIY

*Candidate of Political sciences,
Institute of Public Administration and Law, of the
State University of Management, Department of Public
Administration and Political Technologies,
Moscow, Russia*

IDENTITY IN ITS NATIONAL AND REGIONAL DIMENSIONS¹

Being based on critical analysis of discussions concerning the role of regional identity the authors investigate incorporation of national/communal identity into the forging process of civic nation. National identity, communal identity, special politicized communal identity and plural identity – all these different concepts help us to understand and to pose the idea of the supremacy of regional identity as the most important political and ideological resource which determines the success of strategy aimed to forge all-Russian civic nation.

The authors came to the conclusion that penetrability of regional interests into national policy strengthens the integrity of nation. They support the idea that despite of fragmentations and contradictions of interests and local identification the regional identity represent itself as a dynamic process, which develops institutionally under the influence of political power of the state.

Key words: national identity, communal identity, regional identity, national policy, nation, ethnicity.

¹ Funding: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number № 20-011-31303.

Еще в XIX веке Лорд Эктон писал, что «большое значение гражданства в государстве состоит в том, что оно является основой политической дееспособности. Характер нации в значительной степени определяет форму и жизнеспособность государства» [6. Р. 17-38].

Национальная принадлежность и идентичность сегодня являются основными точками слияния межэтнической напряженности в полиэтническом государстве, и в то же время они являются тонкими идеологическими ресурсами (то есть политико-культурными механизмами «смыслового» производства), с помощью которых можно ослабить эту напряженность, – ресурсами, которые можно использовать в политическом плане для разных целей (от агрессивного национализма до конституционного патриотизма). Рассматривая нацию как один (очевидно, не единственный) источник идентичности и чувства принадлежности, легко понять, почему национальный вопрос возвращается в повестку дня из состояния латентности и подавления, особенно когда политическое сообщество должно иметь дело с проблемными процессами изменений и вызовами, которые угрожают его единству и (социальному, экономическому, религиозному, культурному, территориальному, политическому) балансу, если не самому его существованию. Российская Федерация, продвигаясь по сложному пути национального строительства, нередко сталкивается с конкурирующими национализмами, производящими непростые проблемы и противоречия между различными типами социальных идентичностей (коллективной, региональной, национальной и пр.).

Идентичность заключается в форме и содержании ответов на вопросы типа «кто я?» «Кто ты?» «Кто он/она?» Во всех этих случаях мы говорим, точнее, об «индивидуальной идентичности» – даже если она имеет общественные или социальные коннотации. Однако «мы также можем и идентифицируем себя в терминах, выходящих за рамки «я», которые связывают «я» с какой-либо другой сущностью или группой». Во втором случае «идентичность для большинства из нас означает принадлежность к группе». К этому явлению относится понятие «коллективная идентичность». Коллективная идентичность проявляется в многообразных формах: является этнокультурной, когда самоидентификация группы основана на ряде элементов, которые мы обычно признаем культурными: язык, традиции, нормы и правила социального поведения, религия, историческая память, мифы, символы и т.д. В отдельных случаях эти идентичные элементы являются общими для группы в пределах определенной территории. В силу своих исторических и символических особенностей эта территория становится еще одним фактором, придающим форму и содержание коллективной идентичности. Пространство становится объектом коллективного обучения, присвоения и ощущения. Она становится местом, наполненным историческими и символическими значениями; пространством, которое содержит и питает истоки

идентичности группы и придает структуру особому «коммуникативному полю». Пространство, время и культура встречаются и сливаются в этой форме коллективной идентичности, развивая социопространственное сознание, выражающееся в виде территориальной идентичности.

Коллективная идентичность может приобретать вид политической идентичности, когда выполняются следующие условия: элементы, которые придают форму и содержание культурному типу коллективной идентичности, поддерживаются общими для группы властными структурами и инструментами; группа может принять решение не допускать вмешательства извне других групп в ее самоорганизацию коллективной общественной жизни, за исключением вмешательства, допускаемого группой. Политическая идентичность сосредотачивается на защите целостности, благополучия и выживании группы, когда она подвержена угрозам или проблемам, возникающим изнутри или извне. Важно подчеркнуть, что коллективная идентичность не обязательно должна пониматься в эссенциалистских терминах, – ее можно представить, как гибкий, ориентированный на взаимоотношения, открытый для изменений феномен с динамично подвижными и контекстно-зависимыми границами.

Существование разнообразия форм идентичности в многонациональном государстве и тот факт, что они не исключают друг друга (так что члены группы и сама группа могут иметь много типов идентичности) поднимает вопрос о «множественной идентичности», а также относительно того, имеют ли разные типы идентичности одинаковый идеологический вес.

В последние годы понятие множественной идентичности актуализировалось в политологических дискуссиях, на него нередко ссылаются для определения ценности национального государства как модели идентичности на описательном, объяснительном или предписывающем уровне. Но следует иметь в виду, что понятие множественной идентичности соответствующим образом относится к социальной идентичности отдельных людей, а не к коллективной идентичности группы, рассматриваемой как единое целое. Здесь важно не упустить из виду разницу по характеру и последствиям между индивидуальным аспектом идентичности (идентичность человека, включая его социальные аспекты) и коллективным аспектом идентичности (идентичность группы). Основной корпус социологической традиции и фундаментальных тенденций в политической теории противостоит концептуальному дрейфу представлений о «коллективности» как «сумме отдельных индивидуальностей» с вескими как теоретическими, так и эмпирическими аргументами.

Согласно Энтони Смиту, фундаментальная причина, по которой человек является подходящим референтом для множественной идентичности, заключается в том, что «индивидуальная идентичность» часто может быть множественной, потому что она часто «ситуативна»: «... у людей есть множествен-

ные идентичности – семья, пол, класс, религия, этническая и национальная принадлежность – причем одно или другое в разное время имеет приоритет над другими, в зависимости от многих обстоятельств» [11. Р. 123-124]. Коллективная идентичность – это «всепроникающий» тип идентичности, потому что на коллективном уровне «имеют значение не варианты и чувства отдельных людей, а природа коллективных связей» [11. Р. 123-124]. В соответствии с социологической теорией Эмиля Дюркгейма Энтони Смит рассматривает коллективную идентичность как «социальный факт» и результат процесса социализации и коммуникации. Этот аргумент Э. Смита помогает обосновать, с одной стороны, различие между индивидуальной и коллективной идентичностью; с другой стороны, тот факт, что последовательность и характеристики коллективной идентичности не могут быть выведены из чистой суммы множества индивидуальных акторов. Именно в рамках этой схемы Э. Смит предлагает модулировать и определять характер общей коллективной идентичности.

Следует подчеркнуть, что аргумент в пользу множественной идентичности оказывается очень слабым в обстоятельствах, когда вопрос идентичности является решающим: например, когда различные сферы широкой или территориальной идентичности (региональной или национальной) находятся в противоречии друг с другом, или, когда требуется коллективная лояльность и мобилизация (экономический кризис, войны). В подобных ситуациях возникает проблема «управления множеством идентичностей» не только на индивидуальном, но и на коллективном уровне. Этого наблюдения достаточно, чтобы показать, что концепция множественной идентичности не должна превращаться в простой риторический прием, с помощью которого можно скрыть особый и неотложный характер политического типа коллективной идентичности (например, той, которая обычно ассоциируется с национальным государством). Это последнее соображение подчеркивает еще один проблемный аспект: если каждый индивид способен аккумулировать множество идентичностей, каковы отношения между этими разными идентичностями? Обладают ли множественные идентичности одинаковой способностью «охватывать» и «вовлекать» людей? Какие факторы играют роль в этом контексте?

Перефразируя Э. Смита, например, можно поставить вопрос следующим образом: «Теоретически, для населения Северного Кавказа было бы вполне возможно почувствовать, что у них есть более чем одна коллективная культурная идентичность: почувствовать себя лезгином, дагестанцем, кавказцем, россиянином. «В то же время, следует также уточнить: какова относительная сила этих «концентрических кругов самоидентификаций»? Какой из этих кругов является политически решающим, что больше всего влияет на повседневную жизнь людей? И какая из этих культурных идентичностей и привязанностей будет более прочной и распространенной?»

[11. Р. 124]. Э. Смит дает четкие ответы на эти вопросы: как в прошлом, так и сегодня национальная коллективная идентичность все еще преобладает. Э. Смит также недвусмысленно определяет фактор, который даже в случае множественной идентичности приводит к преобладанию национальной идентичности: это, опять же, культура. Точнее, глубоко укоренившееся и «мифическое» измерение культуры, которая работает как «mythomoteur», который символически превращает коллективный опыт в общие ценности для народа (и тем самым формирует его коллективную идентичность) [12].

В полиэтнических федеративных политических системах, различные организованные формы конкуренции и сопротивления централизующим действиям национального государства как правило имеют региональное измерение. Подобно многим понятиям, имеющим политическое значение, понятие региона трудно определить однозначно. В нашем случае понятие региона относится к контекстам коллективной жизни, характеризующимся переменной однородностью (политической, этнокультурной, лингвистической и пр.), встроенной в единицу более высокого уровня, такой как национальное государство, и зависящей от последнего в политически значимых отношениях. Это контексты, представляющие преимущественно политико-административные аспекты нередко бывают слабо выражены в случае с унитарно-централистическим типом национального государства, и более отчетливо в случае с национальным государством федеративного или регионалистского типа.

Как известно, понятие «регион» может иметь как политико-административное, так социокультурное значение, которые могут и совпадать. В первом случае регион является крупнейшей политико-административной единицей внутри национального государства; в последнем случае регион совпадает с территорией, на которой находится коллектив с самобытной идентичностью. Независимо от историко-политической природы образования регионов, сегодня они стали объективными и институционализированными в рамках коллективных образов, политической культуры, политико-административной практики и повседневных жизненных практик граждан. В общем, передаваемые от одного поколения к другому как «пространства коллективной жизни», они стали элементами коллективной памяти, определенными резервуарами реликвий и стереотипов. Этнические регионы стремятся производить, воспроизводить и проецировать свою идентичность. Существование региональной идентичности, состоящей из культурных элементов, экономических интересов, полномочий и инерций, является причиной того, почему так трудно реконфигурировать «региональные пространства» на национальном уровне.

Понятие «регионализация» обычно рассматривается как нисходящий процесс, который через передачу государством части своих функций и компетенций региональным администрациям, влечет за собой повышение

значения территориальных критериев в организации интересов и в политическом выборе [12]. Как известно, в отдельных европейских государствах (Испания, Великобритания) и в Российской Федерации наблюдается усиление регионализации в отдельных национальных субъектах/автономиях из-за давления со стороны местных элит и требований региональных движений.

Понятие «регионализм» имеет смысл рассматривать с точки зрения политико-культурного процесса, в котором чувство коллективности сливается с чувством территориальной принадлежности, а местные элиты мобилизуют и оформляют этнокультурные, экономические и политические интересы территории [7]. Наиболее заметными воплощениями регионализма в постсоветской России стали этнополитические движения, выдвигающие историко-культурные, политические и экономические претензии. В недавнем прошлом такие движения открыто отвергли власть национального государства, требуя не только повышения этнокультурного/регионального статуса, но и полной политической самостоятельности.

Принятие Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, стало отправной точкой формирования общероссийской гражданской идентичности. 11-ый пункт документа сообщает, что «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты...» [2. С. 37-50]. Чтобы нивелировать возможность ассимиляционного восприятия этого пункта Стратегии Л.М. Дробижева акцентирует внимание на содержательном наполнении термина «единый культурный (цивилизационный) код», который охватывает «историческое наследие всех народов Российской Федерации, и вместе с общечеловеческими принципами лучшие достижения народов интегрированы в единую российскую культуру» [2. С. 37-50]. Тем не менее, возможность проявления определенных типов политического антагонизма и незначительных маятниковых колебаний этнополитической напряженности в национальных субъектах РФ с этнолингвистической основой исключить нельзя. вероятней всего влияние субнациональной политической культуры на сплоченность нации и государства. В то же время, как показывает практика, этнокультурный/политический антагонизм не принимает форму радикальных и насильственных действий в случае успеха «политики признания» между центром и периферией. Коллективная идентичность частично формируется «непризнанием» другими [13]; отсюда проистекает политическое значение «борьбы за признание» [13] в процессах формирования коллективных идентичностей, в том числе политико-территориальных. Какие условия могут способствовать этому взаимному признанию?

Во-первых, для осуществления взаимного признания между регионом и национальным государством важно наличие соответствующих политических институтов, способных регулировать множественность коллективных

идентичностей. Регионализация национальных государственных структур, федеральных систем и консоциативных политических систем во многих случаях удовлетворяет потребность во взаимном признании на политико-институциональной основе [8; 9; 10]. Это опыт, хорошо зарекомендовал себя в части западных демократий, даже если в некоторых случаях напряженность между национальным государством и региональной периферией сохраняется. Независимо от того, являются ли они совокупным опытом или более свежими тенденциями, в таких случаях политические механизмы регионального, федерального или консоциативного характера были способны отреагировать даже на «центробежный регионализм», чьи радикальные претензии на самоуправление или независимость иногда скрывают политическую стратегию, преследующую более умеренные цели. Это, например, случай с Лигой Севера в Италии и ее притязаниями на автономию при независимости «Падании».

Во-вторых, успешное взаимное признание между национальным государством и регионами также зависит от роли политических элит: их поведение и установки сильно влияют на качество национальной интеграции и признание национальной и субнациональной территориальной идентичности [4. С. 9].

В-третьих, политико-институциональные решения и отношения политических элит должны поддерживаться политической культурой, которая также действует на массовом уровне; политическая культура, способная создать ощущение «нас», общей принадлежности к национальному обществу, общей политической идентичности. Эта политическая культура должна, в частности, создавать национальную идентичность, способную содержать специфические идентичности территории, образующие национальное государство.

Учитывая эти институциональные условия, элитарную политику и массовую политическую культуру, некоторые случаи латентного центробежного регионализма все еще существуют как в Российской Федерации, так и в европейских странах: регионализм, характеризующийся явными историко-культурными/лингвистическими и этноконфессиональными особенностями и радикальными претензиями на самоуправление, контроль над экономическими и фискальными ресурсами и пр. Какие шансы на успех у такого регионализма?

Нередко политическими лидерами «регион» рассматривается как политико-территориальный и экономический субъект, способный играть более значимую роль по отношению к национальному государству. Отчасти это происходит по причине дискредитации национальной политики из-за коррупции, капитуляции перед социально-экономическими и иными проблемами. В этом случае, по сути, регион должен приобрести политические характеристики национального государства, но шансы на это очень малы.

Это идентичностно-территориальное изменение авторитарных связей потребует сложных условий и политических ресурсов, которые очень трудно найти акторам, стремящимся достичь этой цели. «Региону» не хватает не общей политической культуры или культурной идентичности (которые иногда даже сильнее, чем у национального государства), а политической идентичности, которая является проводником коллективной идентичности в связывающую лояльность. Политическая идентичность актуализируется в основном тогда, когда множественные идентичности подвергаются «конфликту принадлежности». Национальное государство по-прежнему остается политико-территориальным и символическим пространством, в котором доступны политические предпосылки и инструменты для авторитетного управления общественно-политическими проблемами (экономика, финансы, занятость и социальная защита; распределение прав и обязанностей; политическое участие, представительство и демократический плюрализм; коллективная безопасность и общественный порядок; управление международными балансами и кризисами).

Вероятно, именно по этой причине граждане кажутся особенно привязанными к национальному государству по сравнению с другими пространствами политической территории. Это также объясняет то, почему национальное государство в критические моменты оказывается способным привлекать неожиданные ресурсы для решения идентичных проблем. Сохраняющаяся центральная роль национального государства и национальной идентичности также зависит от «веских причин» в их пользу. Эти «веские причины» связаны с федерализмом и демократией, рассматриваемых как «политическая ценность». Национальное государство, очевидно, не единственный исторический резервуар демократии, но оно, безусловно, остается лучшим приспособлением для развития массовой либеральной демократии и ее составных элементов. Это означает не столько то, что национальное государство является единственной благоприятной для демократии средой, сколько то, что установление и консолидация демократии происходит в политическом пространстве, которое уже было объединено. Тип политического единства со временем может измениться, но единство остается необходимым условием демократии [4. С. 5-15]. Демократия – это, помимо прочего, принятие различий и разделений; это свобода, плюрализм и конкуренция. Отдельные лица и группы, образующие демократию, могут разделяться и даже вступать в конфликт друг с другом, но только после того, как они определили «кто они есть». Другими словами, после того, как они утвердились как «мы», которое включает в себя множество идей и интересы, поддерживаемые этими людьми и группами [4. С. 9]. Эта тесная и взаимообусловленная связь между «единым политическим пространством» (национальным государством) и «плюралистическим политическим пространством» (демократией) важна не только для момента зарождения демократической си-

стемы. Последующая практика демократического гражданства сама по себе требует ценнейшего ресурса национальной идентичности, чтобы ее можно было поддерживать и предоставлять гражданам «преимущества и права», распределять обязанности. Этот аргумент связан с взглядом на демократическое гражданство как на «мета-общественное благо»; и, как и любое другое общественное благо, демократия влечет за собой издержки и обязанности при его производстве, распределении и распределении.

В рамках этой теоретической основы мы должны подчеркнуть, что политическое сообщество сохраняет свою демократическую интеграцию и легитимацию при условии, что оно защищает значимые факторы «гражданского сосуществования»: свободу выражения мнений; разделение и баланс властей; политическое равенство, плюрализм и представительство; услуги для минимального уровня благосостояния и социального обеспечения. Эти элементы «гражданского сосуществования» представляют «блага» для граждан (разнообразие прав и благ). Но для поддержания и развития «выгод», предоставляемых демократической системой гражданства, необходимо, чтобы в политическом сообществе были члены, готовые взять на себя относительные «издержки». В данном случае мы имеем в виду «затраты», такие как терпимость к разнообразию, соблюдение правил и поведение, политическое участие и пр. Когда (или если) этот баланс между выгодами и затратами (правами и обязанностями) отсутствует или подвергается сильному давлению, выживание демократии находится под угрозой или может ухудшиться в качестве. С этой точки зрения, баланс преимуществ/затрат гражданства относится к «критическому порогу»: то есть к минимальному уровню готовности граждан поддерживать затраты на гражданско-демократического сожительства. Ниже этого порога выгоды и сами условия политико-демократической системы находятся под угрозой.

Проблема «критического порога», сформулированная в терминах затрат/выгод и их баланса, показывает, что демократия обладает «утилитарной структурой» для производства и распределения общественных благ. Однако «демократический утилитаризм» иногда может быть неэффективным или, во всяком случае, неспособным достичь поставленной цели. «Демократический авторитаризм» [1] – альтернатива демократическому утилитаризму, иногда используемому демократическими режимами. Но есть еще один ресурс, который демократическое сообщество может использовать, прежде чем прибегать к решениям «демократического авторитаризма»: именно этот ресурс обозначается понятием «политическая идентичность». В силу своих «ресурсов принадлежности», группы и отдельные лица берут на себя расходы и обязанности по созданию демократического гражданства, которые превышают их собственные выгоды и права: то есть они «платят» с точки зрения отношения и поведения, времени и денег за других, неспособных или не желающих этого делать. Важную роль в такой ситуации играет по-

литическая идентичность и ее измерения: взаимное признание, лояльность, солидарность, доверие, гражданственность.

«Чувство принадлежности», как мы знаем, может принимать разные черты, одни более «универсалистские», другие более «партикуляристские». Но одна из его типичных политических (и обычно территориальных) форм, безусловно, является национальная. Эта форма исторически преобладала в западном мире, по крайней мере, в последние два-три столетия. Но какая особенность, к которой относится понятие национальной идентичности/принадлежности? Национальная идентичность – это случай политической идентичности на территориальной основе – успешный исторический пример, который преобладал над своими территориально-идентичными конкурентами. Хотя национальная идентичность требует наличия «общих» элементов, как известно, это не означает, что национальное политическое сообщество обязательно должно быть этнокультурно-однородным. Совместное использование и идентификация отражают существование «соединительной текстуры» (социокультурной, этико-политической, институциональной, символической), возникающей из «нитей» разной палитры. Роль такой структуры состоит в том, чтобы удерживать вместе даже плюралистические и конфликтные общества, подобные современным.

В свете такого признания политического плюрализма, когда мы говорим о отечестве и нации, становится решающим различать «демократический патриотизм» и «тоталитарный патриотизм». Ясно, что не все национальные государства демократичны и не все они являются плодородной почвой для демократии. Более того, не все типы национальной идентичности оказываются полезными ресурсами для демократии. И в прошлом, и в настоящем мы находим национальные идентичности закрытые, монистические, моноэтнические. Это национальные идентичности, «диссонирующие» или «регрессивные» по отношению к принципам демократического плюрализма. Однако с конца XVIII века открытый и инклюзивный тип национальной идентичности постепенно навязывался (например, в Соединенных Штатах, Франции), в том числе в отношении этнических и культурных различий. Это случай так называемой «гражданско-политической нации», «нации граждан» или «конституционного патриотизма».

Несмотря на свои проблемы и ограничения, национальное государство с его политически идентичным профилем доказало свою способность положительно реагировать на требования современной демократии. Во многих случаях национальное государство выдержало испытание на демократизацию. Но демократический тест кажется более проблематичным для политического проекта радикального независимого регионализма. Некоторые регионализмы стремятся дать жизнь новым политическим единицам путем отделения своей территории от национального государства, делая акцент на своей собственной идентичности, характеризующейся культурной или

этнической однородностью. В случае успеха, в большинстве случаев такие региональные претензии создают политические режимы «этнократического» типа, характеризующиеся тотальным либерально-демократическим дефицитом; или «этнодемократические» режимы, характеризующиеся более умеренным либерально-демократическим дефицитом. Остается еще один случай: регионализмы, которые стремятся создать новые политические единицы, открытые для многих лиц демократического плюрализма. Но в этом случае их притязания на самоопределение и самоуправление не могут быть последовательно основаны исключительно на этнической или историко-культурной однородной основе.

Российская Федерация, ориентированная на формирование общероссийской гражданской нации, сталкивается как с проблемой множественной идентичности, так и с этническим антагонизмом в отдельных регионах страны. С точки зрения подхода «социальных границ» [14; 15], «этническая принадлежность – это функция организации общества, а не структура для сохранения определенного фиксированного культурного содержания» [14; 15]. Особенно важна роль этнокультурных идентификаций, где коллективные идентичности оформлены политико-территориально, и где язык и/или религия являются «доменами» групповой идентичности. В то время, как национализм доминирующей нации, прочно отождествляя себя с государством, стремиться к его укреплению и исключению состязательных национальных проектов, национализм этнических меньшинств, в свою очередь, озабочен сохранением в пределах региональных границ собственной идентичности, приобретающей вид политической идентичности, цель которой – не допустить вмешательства извне в самоорганизацию ее коллективной социально общественной жизни. Развивая социопространственное сознание, объединяющее социальные практики, жители региона формируют собственную структуру ожиданий. Этот фрейм достаточно устойчив и проявляется как выражение «официального» мировоззрения, связанного с пространственной социализацией, региональной практикой и идентичностью.

Кроме существующих этнических, языковых и религиозных разделений, возрастающий разрыв в материальных доходах в результате ограниченной трудовой занятости и высокого уровня безработицы, препятствует консолидации и лояльности, в том числе на региональном уровне, снижая шансы для национального строительства. По словам Л.М. Дробизевой: «Там же, где социально-экономические трудности накладываются на межэтнические противоречия, в неурегулированности которых местное население видит недоработку федерального центра (как, например, в Кабардино-Балкарии), снижается ощущение связи с общероссийской общностью» [3]. Однако, необходимо подчеркнуть – эта действительность ситуативна, то есть она является реакцией на объективно предлагаемые обстоятельства – разобщенность общества, отсутствие взаимного доверия, социально-экономические проблемы.

Формирование государственно-гражданской идентичности как непрерывный и неограниченный процесс сознательного конструирования, в отличие от современных политий, где уже сложился многовековой опыт национального строительства, все еще проходит испытание практикой: будет ли национальная идентичность рассматриваться и чувствоваться как взаимодополняющая, а не состязательная или даже несовместимая с коллективной этнической идентичностью?

Очевидно, что нация оценивается на основе критического коллективного сознания. Следовательно, от того, насколько государственная национальная политика будет, с одной стороны отвечать оценочным ожиданиям россиян, а с другой – создавать базовые демократические ценности, материальные и нематериальные условия, обеспечивающие гражданское чувство единения, зависит возможность успешной реализации проекта формирования общероссийской гражданской идентичности. Для того, чтобы быть ресурсом для «политического объединения» сообщества, коллективная идентичность должна поддерживаться властными структурами и инструментами, которые связывают принадлежность и переводят идентичность в лояльность. Только в этих условиях политическая система может пройти испытание политическим объединением.

Нация в границах полиэтнической федерации как правило не определяется в этнических терминах, а концептуально ориентируется на разделяемые населением символические формы и практики, демократические ценности, где существует режим диалоговых горизонтальных отношений, возможность сотрудничества общества и власти и нет места для «проигравших» этнических и региональных идентичностей. Только в этом случае можно говорить о диффузии интересов национальной и региональных идентичностей и инклюзивном процессе формирования государственно-гражданской идентичности, экстрагирующей свою жизнеспособность из культур своих регионов и локальных сообществ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002.
2. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8.
3. Дробижева Л.М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // http://www.perspektivy.info/rus/nashe/konsolidirujushhaja_identichnost_v_obshherossijskom_regionalnom_i_etnicheskom_izmerenijah_2018-11-07.htm.
4. Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация // Полис. Политические исследования. 1997. № 5.

5. *Pastouy D.A.* Переходы к демократии: попытки динамической модели // Полис. Политические исследования. 1996. № 5.
6. *Acton J.* Nationality in G. Balakrishnan (Ed.). Mapping the Nation. [1862]. London: Verso, 1996.
7. *Caciagli M.* Regioni d'Europa: devoluzioni, regionalismi, integrazione europea. Firenze: Il Mulino, 2003.
8. *Horowitz D.L.* Ethnic groups in conflict. Berkeley: University of California Press, 1985.
9. *Kellas J.G.* The Politics of Nationalism and Ethnicity. Hong Kong: McMillan, 1991.
10. *Lijphart A.* Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven CT: Yale University Press, 1999.
11. *Smith A.D.* Nations and Nationalism in a Global Era. Cambridge: Polity, 1995.
12. *Smith A.D.* The ethnic origins of nations. Oxford: Blackwell, 1986.
13. *Taylor C.* The Politics of Recognition. In A. Gutmann (Ed.), Multiculturalism and the Politics of Recognition. Princeton: Princeton University Press, 1992.
14. *Verdery K.* The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Post-socialist Change. N.Y.: Columbia University Press, 1999.
15. *Wimmer A.* Does ethnicity matter? Everyday group formation in three Swiss immigrant neighbourhoods // Ethnic and Racial Studies. 2004. No 27 (1).